

Объем предложения и ясность речи

Понятие объема предложения знакомо филологам издавна. Оно необходимо для характеристики целых речевых жанров, литературных стилей, языка отдельных писателей. Известны точные подсчеты и количественные сопоставления объема предложений, нацеленные на выяснение стилистических особенностей текстов на русском [11; 12; 13], шведском (Энгдаль), немецком материале (Винтер, Эггерс).

Уже в античности понятие объема предложения напрямую связывалось с ясностью – не просто обязательным, но главным качеством речи. Эпикур считал, что от оратора «не следует требовать ничего, кроме ясности» [2, с. 205]. Анаксимен, представитель школы Исократа, историк и автор риторического руководства утверждал: «Надо в выражениях соблюдать умеренность, избегая как слишком длинных, так и чрезмерно кратких» [2, с. 172]. Анонимное руководство «Риторика к Герению», первое теоретическое сочинение древнего Рима, написанное в 80-х гг. I в. до н. э. призывало «избегать длинных периодов, плохо действующих на слух слушателя, и на дыхание оратора» [2, с. 227]. Упоминание об объеме предложения и его влиянии на ясность речи находим также в отечественной теории словесности [16; 17]. Вопрос этот актуален и в настоящий момент, о чем свидетельствует обилие публикаций [9; 18; 7 и др.].

В научной литературе нет единого ответа на вопрос, какое предложение считать предложением большого объема, как нет и точных цифровых данных об оптимальном для восприятия объеме предложения. Применительно к устной речи психологи рекомендуют учитывать «магическое число 7+2» [14, с. 222–224]. И. А. Зимняя считает, что оптимальной является длина устной фразы, не превышающая 11 слов [7]. Исследователи радиоречи утверждают, что «длина фраз не должна превышать 15–20 слов» [21, с. 255]. В то же время высказано мнение, что объем достаточно большого предложения в устной речи может доходить до 50 фонетических слов [3].

Проблема объема предложения и его влияния на ясность речи обостряется в ситуации устного учебно-научного общения. Лекция как один из жанров научного стиля речи преследует цель наиболее эффективной (содержательной, точной, логичной) и в то же время доступной для адресата передачи научного знания. Таким образом, собственно научная цель в жанре учебной лекции сочетается с целью популяризации.

Лингвостатистическое исследование ряда лекций позволяет нам сделать следующий вывод. Размер основной массы предложений различен

в устных и письменных научных текстах. Большинство предложений (92%) в лекциях не превышает 40 слов (при минимальном размере в 2 слова). В их составе наиболее актуальны предложения второго (35,5%) и третьего (23,8%) десятков. Здесь преобладают сложные предложения, в частности, сложноподчиненные, это необходимый компонент научного стиля в целом. В письменной же научной прозе основная масса предложений располагается в промежутке от 11 до 50 слов (около 78% всего текста). При этом наиболее актуальны предложения третьего (24,1%) и четвертого (22,4%) десятков [12]. Отличаются и числовые значения среднего размера сложного предложения: в письменной научной прозе это 33,5 слова [11], в устном научном тексте, по нашим данным, – 26,2 слова.

Итак, в качестве предложения большого объема (или большого предложения) принимается как простое, так и сложное предложение, количество слов в котором превышает числовое значение среднего размера предложения в устной научной речи. Число слов определяем, ориентируясь на выявленный опытным путем средний размер сложного предложения (26 слов), так как сложные предложения большого объема встречаются гораздо чаще аналогичных простых.

Проблема взаимосвязи объема предложения и ясности речи в данной статье рассматривается на материале образцовых лекций В. О. Ключевского «Курс русской истории» (конец XIX в.), А. Е. Ферсмана «Самоцветы России» (начало XX в.) и лекций по общей риторике современных авторов Т. Г. Хазагерова и Л. С. Шириной. Полагаем, что в образцовом тексте используются различные средства и способы, помогающие адресату эффективно интерпретировать большое по объему предложение. Собранный материал действительно позволил выявить целый ряд кратко охарактеризованных и проиллюстрированных ниже способов.

Параллелизм структурно-содержательных частей большого предложения. Этот способ заключается в однотипном синтаксическом строении предикативных частей и (или) блоков однородных членов большого предложения. Чаще всего он используется в многокомпонентных сложных предложениях и сложных синтаксических конструкциях. Структурная соотношенность может выражаться в полном параллелизме предикативных частей. «При этом... получается особая форма словесной симметрии, которая облегчает нам как чтение, так и запоминание содержания» [16, с. 23–24].

На Урал, еще страдавший от набегов диких народов, были посланы специальные экспедиции для поисков камней; в Екатеринбурге, в районе новооткрытых месторождений яшм, аметистов, аквамарин, топазов и красных турмалинов, была устроена другая илифовальная мельница,

а затем в далеком Алтае, среди богатой и прекрасной природы этого края, была заложена третья государственная мастерская [Ф., 6]¹.

Сложная синтаксическая конструкция (ССК) состоит из трех предикативных частей (простых двусоставных предложений). Параллелизм этих частей заключается в однотипном порядке слов (обстоятельство места → сказуемое → подлежащее) и одинаковом грамматическом выражении членов предложения (обстоятельство места выражено предложно-падежной формой имени существительного; составное именное сказуемое – глагольной связкой с краткой формой страдательного причастия прошедшего времени; подлежащее – именем существительным). Структурный параллелизм частей усилен так называемым законом края: в ряду *на Урал (в Екатеринбурге, в Алтае)... были посланы экспедиции (была устроена мельница, была заложена мастерская)* последняя часть предваряется речевым сигналом *а затем*. Такое изменение способа связи между частями является своеобразной «отбивкой» [10, с. 139] концовки. С одной стороны, это сигнал-актуализатор, с помощью которого аудитории передается информация о завершении предложения; с другой – сигнал-замедлитель речи, который позволяет адресату подготовиться к восприятию последнего информационного блока.

Структурный параллелизм частей может усиливаться с помощью анафоры. «Это как бы высшая степень параллельного строения предложений, при котором предложения, объединенные в строфе, имеют не только одинаковую (или сходную) синтаксическую структуру, но и одинаково выраженное начало. Иными словами, ... синтаксический параллелизм предложений подчеркивается и усиливается параллелизмом лексическим» [10, с. 162].

Нельзя перевести в цифры и запасы самих богатств, заключенных еще в недрах природы; нельзя математически точно выразить сумму тех художественных и технических достижений, которые сделались уделом работ наших трех государственных фабрик: надо посетить уральскую глушь и спуститься в мокрые ямы Мурзинки; надо по узким тропам Алтайских долин проникнуть к знаменитым каменоломням Коргона; надо среди степей нашего Забайкалья посмотреть на беспорядочные ямы Шерловой горы, – чтобы составить себе впечатление о том, насколько русская природа еще таит в себе драгоценных богатств [Ф., 24].

¹ Жирным шрифтом выделены параллельные элементы частей. При паспортизации контекстного материала В. Ключевского используется сокращение [К.], А. Ферсмана [Ф.], лекций по общей риторике [Х – Ш], римской цифрой обозначен том, арабской курсивом – страница.

Анафорические сказуемые – это, во-первых, своеобразные речевые сигналы-актуализаторы начала каждой части, во-вторых, сигналы-разделители (обозначают границы частей). На фоне параллельной анафорической структуры резко выделяются неанафорические элементы большого предложения, имеющие различное лексическое выражение. «Последнее происходит оттого, что повторение невольно бросается в глаза, и мы, увидав... одинаковый порядок слов, обращаем внимание при каждом новом предложении только на различие» [16, с. 24]. Так лексический параллелизм первой части сказуемого передает смену модальности (*нельзя* → *надо*) и конкретизирует процесс (*перевести, выразить; посетить, спуститься, проникнуть, посмотреть*). Несобственно научная лексика (*уральская глушь, мокрые ямы, узкие тропы, беспорядочные ямы*) – элемент натурализма, усиливающий конкретизацию.

Параллельными друг другу могут быть целые структурно-смысловые блоки. При этом блочный параллелизм может усиливаться за счет разделительных или противительных отношений.

Например, ¹*оратор собирается утверждать*, ²*что некий факт имел место*, а ³*аудитория заранее убеждена*, ⁴*что этого не было и не могло быть*; ¹*оратор намерен сказать*, ²*что некое утверждение есть истина*, а ³*аудитория заранее уверена*, ⁴*что оно заведомая ошибка или ложь*; ¹*оратор хочет намекнуть*, ²*что наступление некоторого события несет в себе угрозу*, ³*аудитория, напротив, ждет от этого события выгод и удовольствий и т. д.* [23, с. 170]¹.

По точному замечанию А. А. Розановой, «многокомпонентные сложные предложения смешанного типа обычно не просто нанизывают части, объединяя их одну с другой в виде цепочки, но определенным образом группируют их. Это свидетельствует о том, что внутри самого... предложения... существует тенденция к упорядочению его структуры...» [8, с. 134]. В этом предложении из 61 слова применены параллельные блоки ССК. Прогнозируя возможное непонимание, лектор максимально эксплицирует границы блоков (лексический параллелизм на базе слова ¹*оратор*). Структурно-смысловые отношения внутри блоков (синтаксическое противопоставление *оратор* ↔ *аудитория*) обозначены союзом *а* и усилены вводным словом *напротив* (сигнал-актуализатор и замедлитель): *оратор собирается утверждать; намерен сказать; хочет намекнуть* ↔ *аудитория заранее убеждена; заранее уверена; ждет*. Или *некий факт имел место; некое утверждение есть истина; событие несет угрозу* ↔ *этого*

¹ Жирным шрифтом выделен первый блок, жирным разреженным – второй. Цифра в левом верхнем углу обозначает межблочные параллельные отношения.

*не было; оно заведомая ошибка или ложь; ждет от этого события вы-
год и удовольствий.*

Однородность подчинительных частей большого предложения.
В основу способа положен общий для процессов восприятия и произ-
водства речи закон опережающего отражения действительности [1]. В ре-
чевой деятельности разными формами проявления этого закона являются
упреждающий синтез (производство речи) и вероятностное прогнозирование
(смысловое восприятие речи). Механизм прогнозирования речевого
высказывания заключается в том, что «в процессе слушания человек, при-
няв первое слово фразы, уже может предположить (не осознавая, конечно,
этого), какое слово будет с наибольшей вероятностью следовать за ним»
[7, с. 102]. Таким образом, «ясно то, чего можно было ожидать, что уже
угадывалось – как в плане содержания, так и в плане выражения» [18,
с. 148]. Например, зная, что «в силу согласования семантики опорного сло-
ва с семантикой придаточного обобщения семантика объединенных ею
групп слов определяет синтаксическую сочетаемость опорного слова с со-
ответствующими разновидностями придаточных, а следовательно, и прог-
нозирование этой сочетаемости» [5, с. 44], лектор, употребляя в предложе-
нии определенное опорное слово, программирует аудиторию на воспри-
ятие заданной этим словом информации. Адресат же на основе опорного
слова прогнозирует дальнейший ход изложения.

*Следовательно, политический и экономический порядок известного
времени можно признать показателем его умственной и нравственной
жизни: тот и другой порядок настолько могут быть признаны такими
показателями, насколько они проникнуты понятиями и интересами, вос-
торжествовавшими в умственной и нравственной жизни данного обще-
ства, насколько эти понятия и интересы стали направляющими юридиче-
ских и материальных его отношений [К., I, 56].*

Придаточные части этого большого предложения находятся в отно-
шениях однородного соподчинения: относятся к одному и тому же слову
в главной части (*насколько*), отвечают на один и тот же вопрос (*насколь-
ко?*), принадлежат к одному и тому же структурно-семантическому типу
(местоименно-соотносительные), имеют одинаковое средство связи (отно-
сительное местоимение *насколько* в функции союзного слова). Речевой
сигнал (опорное союзное слово *насколько*) автоматически активизирует
гипотетически естественный вопрос адресата (*насколько?*). Учитывая се-
мантическую сочетаемость опорного слова и активизированный вопрос,
аудитория прогнозирует структурную модель следующего информацион-
ного блока (*насколько* → *насколько*) и настраивается на его восприятие.

Союзное слово *насколько* – это не только прогнозируемый компонент коммуникативной модели, но и необходимый для опознавания второй части модели речевой сигнал-замедлитель, эксплицирующий подчинительные отношения.

Наиболее последовательно этот способ проявляется в сочетании с параллелизмом структурно-содержательных частей большого предложения.

Использование системы счета. Этот способ заключается в том, что прояснять структуру большого предложения помогают единицы счета. «Цифра – символ иной, чем слово, знаковой системы. Как обозначению числа ей изначально присуща точность, обобщение, концентрированность информации» [15, с. 197]. «Цифра всегда останавливает на себе внимание» [15, с. 198]. Средством языкового выражения счетной системы является имя числительное. Включение системы счета в текст – одно из наиболее рациональных средств, как сообщения информации, так и прояснения структурно-смысловых отношений изложения. Важно, что числительное, во-первых, несет двойную информацию: «оно сообщает о мощности выражаемого им количества и в то же время, будучи элементом счетной системы, дает количественную характеристику некоторому конкретному счетному ряду, являющемуся конкретной частью счетной системы» [20, с. 107]. Во-вторых, обозначая некоторую мощность множества, числительное в то же время дает название числу. «В самой природе числительного, в его семантике, заложены номинативно-идентифицирующая и номинативно-индивидуализирующая функции» [20, с. 107].

Классическая риторика выделяла семь компонентов ораторской речи, которые можно назвать внутренними: 1) вступление, 2) изложение, 3) определение темы и отграничение ее от других тем, 4) доказательства, 5) опровержение доказательств противника, 6) отступления и 7) заключение [23, с. 7–8].

Числительное *семь* (компонентов) сообщает аудитории мощность выражаемого количества, которая равна семи единицам, и в то же время предваряет счетный ряд от одного до семи, с помощью которого аудитория идентифицирует и, как следствие, дифференцирует конкретные части большого предложения. Таким образом, адресант, во-первых, задает адресату программу авторского изложения и программу аудирования из семи конкретных пунктов и уже в самом начале предложения дополнительно маркирует последний пункт.

Числительное как средство упорядочения структурно-смысловых отношений большого предложения может употребляться в комплексе с другими языковыми средствами.

Правда, в указанных примерах текст явно распадался на две части, в одной из которых преобладал риторический вопрос, в другой же либо вообще не было фигур (в первом примере), либо доминировал полисиндетон (второй пример) [23, с. 149].

Речевой сигнал *две (части)*, во-первых, предупреждает аудиторию о дальнейшем разделении предложения на два информационных блока; во-вторых, дает возможность адресату прогнозировать такое разделение и, следовательно, активно участвовать в коммуникативном процессе. Речевые сигналы *в одной и в другой* дополнительно маркируют начало каждого блока. Получив подтверждение своему прогнозу, адресат с легкостью преодолевает возможные коммуникативные неудачи и эффективно заканчивает коммуникативную партию.

Использование изобразительно-выразительных средств. Этот способ заключается в использовании специальных языковых средств, создающих как рациональный, так и эмоциональный план повествования. «Сильное эмоциональное воздействие производит выразительность, или рельефность, знака, которая *способствует доходчивости изложения*» [18, с. 152 (курсив мой. – Г. Д.)]. Обеспечивая незатруднительное понимание, изобразительно-выразительные средства могут вступать в различные комбинации (сравнение + олицетворение, метафора + олицетворение) или формировать гипотетическую ситуацию.

Если бы возможно было с достаточной высоты взглянуть на поверхность русской равнины, она представилась бы нам в виде узорчатой ряби, какую представляет обнажившееся песчаное дно реки или поверхность моря при легком ветре [К., I, 69].

Лектор предлагает аудитории гипотетическое путешествие: мысленно переместиться в пространстве и с высоты увидеть поверхность изучаемого явления. Активизировав интеллектуальную деятельность коммуникативного партнера, адресант подпитывает обострившийся интерес адресата сравнением: *поверхность русской равнины – узорчатая рябь*. Осознавая всю степень коммуникативной ответственности, лектор предупреждает возможную ситуацию непонимания речевым сигналом (*представилась бы в виде*). Учитывая, что сравнение происходит в гипотетической коммуникативной ситуации, адресант максимально облегчает вторую часть сравнения конкретными образами (*песчаное дно реки, поверхность моря, легкий ветерок*). В результате сравнение помогает аудитории не только понять структурно-смысловые отношения между частями предложения, но и мысленно увидеть то, о чем в нем говорится.

Наиболее последовательно этот способ проявляется в сочетании с параллелизмом структурно-содержательных частей большого предложения.

Преобразование вопросно-ответного хода. Этот способ является своеобразной трансформацией вопросно-ответного хода – многофункционального способа, в значительной степени связанного с достижением ясности. Вопросно-ответный ход заключается в том, что адресант, исходя из логики изложения, заранее учитывает возможную реакцию адресата и предварительно вербализирует ее в своем тексте с помощью вопроса, а затем отвечает на него, предупреждая тем самым возможную ситуацию непонимания. В отличие от базового способа предупреждения неясности в преобразованном варианте сохраняется лишь содержательная сторона вопроса. В результате вопросно-ответный ход, состоящий, как правило, из нескольких предложений, трансформируется в ССК или многокомпонентное повествовательное предложение. Сохранение в нем смыслового хода «вопрос → ответ» проясняет структурно-смысловые отношения в большом предложении и способствует достижению ясности.

¹*Сумеет ли она [Петергофская фабрика – Г. Д.] выполнить свою задачу, ²сказать трудно, ³но пока она одна уцелела в пожаре уничтожения культурных ценностей и одна продолжала работу; в то время как ее сестры по обработке камня – прекрасная частная мастерская – Фаберже, сумевшая подняться до исключительной художественной высоты, и Верфеля, специализировавшаяся на нефрите, прекратили свою деятельность [18, с. 22]¹.*

Используя преобразованный вопросно-ответный ход, автор выделяет в предложении структурно-смысловые части. Первая часть – экспликация обратной связи путем вербализации гипотетического вопроса в гипотетической ситуации непонимания; вторая – ответ адресанта на сформулированный вопрос; третья – конкретизация ответа. Предупреждая возможную ситуацию непонимания и прогнозируя реакцию адресата в этой ситуации, лектор в своей речи вербализирует интенцию адресата. Ответ (*сказать трудно*) – выполняет функцию речевого сигнала и подготавливает аудиторию к восприятию конкретизирующего блока (характеристики определенной культурно-исторической ситуации).

Преобразованный вопрос может быть сформулирован от третьего лица и перенесен адресантом из другой коммуникативной ситуации. Как правило, о наличии вопроса сообщает соответствующий прямой речевой сигнал.

«Добросовестные ученики» по-прежнему спрашивают: почему успех достигается только очень талантливым или очень хитрым оратором

¹ Здесь и далее при иллюстрации преобразованного вопросно-ответного хода цифра 1 в левом верхнем углу обозначает преобразованный вопрос, цифра 2 – ответ, цифра 3 – конкретизацию ответа.

(они могли бы обойтись и без риторики!), в то время как обыкновенные честные люди (даже с ее помощью) не могут увлечь за собой слушателей [23, с. 22].

Преобразованный вопросно-ответный ход может включать в себя несколько ответов.

¹Где искать месторождения изумрудной плазмы, ²не надо ли их видеть в хромовых рудниках Кипра, где известны прекрасно-зеленые селадониты, или же действительно связаны они с верховьями Нила (как это предполагал по окатышам Зибер) [18, с. 48].

С помощью вопроса адресант создает проблемную ситуацию, возбуждая интеллектуальное напряжение, разрешением которого станет ответ. В отличие от предыдущих примеров в предложении появляется несколько ответов, при этом гипотетических. Речевой сигнал *(или же действительно)* в ситуации интеллектуального напряжения предупреждает адресата о появлении следующей альтернативной части ответного комплекса. Таким образом, адресант активизирует коммуникативную роль своего партнера. Это своеобразная модификация так называемой «диалогизации в квадрате» [4]: с одной стороны, имеет место диалог лектора с аудиторией, с другой – внутренний диалог адресата с самим собой в ситуации интеллектуального напряжения. Развивая терминологию М. А. Богомолова, здесь можно говорить о «диалогизации в кубе», так как к двум диалогическим линиям присоединяется третья: *как это предполагал по окатышам Зибер.*

Помимо состава и структуры названных выше способов важны также особенности их сочетания и взаимопроникновения. В предложении большого объема лектор часто использует сразу несколько способов предупреждения неясности, что повышает эффективность изложения. Встречается объединение как двух, так и большего числа приемов. Например, параллелизм структурно-содержательных частей + однородность подчинительных частей, использование системы счета + однородность подчинительных частей, использование системы счета + параллелизм структурно-содержательных частей + однородность подчинительных частей, параллелизм структурно-содержательных частей + использование изобразительно-выразительных средств. Продемонстрируем некоторые из комплексов.

Однородность подчинительных частей + использование системы счета.

Так пропущены известия о том, что в 862 г. призванные князья построили город Ладогу и (что – Г. Д.) здесь сел старший из них – Рюрик, что в 864 г. убит был болгарами сын Аскольда, (что – Г. Д.) в 867 г. воронились от Царьграда (после поражения) Аскольд и Дир с малой дружиной

и (что – Г. Д.) был в Киеве плач великий, что в том же году «бысть в Киеве глад великий», и (что – Г. Д.) Аскольд и Дир избил множество печенегов [К., I, 108].

Используя способ однородного подчинения частей, лектор строит предложение, опираясь на структурную модель: *известия о том* → (о чем?) → *что*. Речевые сигналы (862 г., 864 г., 867 г.) эксплицируют временные периоды и активизируют внимание адресата на четкой группировке однородных частей. Синонимичный речевой сигнал *в том же году* замедляет повествование и предупреждает аудиторию о завершении предложения.

Использование системы счета + однородность подчинительных частей + параллелизм структурно-содержательных частей.

Ставится даже вопрос о двух типах этических систем, и в этой связи стоит задуматься над правомерностью и эффективностью двух типов доводов, когда, например, **прокурор**, исходя из действий обвиняемого, **требует наказания**, чтобы искоренить мошенничество, кражу, грабеж, убийство как социальные явления, и когда он **требует наказания**, исходя из сочувствия жертве преступления, или когда **защитник просит** для обвиняемого снисхождения, оценивая то хорошее, что есть в его подзащитном, и когда он **просит** смягчить наказание прежде всего потому, что аморальна была и жертва [23, с. 73–74].

Речевой сигнал два программирует аудиторию на дальнейшее членение предложения. Однородное соподчинение придаточных частей первой степени подчинения (когда) усилено синтаксическим и лексическим параллелизмом (**прокурор требует наказания**, он **требует наказания**; **защитник просит**, он **просит**). Лексический повтор концентрирует внимание на том, что не знакомо и расставляет смысловые акценты (*исходя из действий обвиняемого, исходя из сочувствия жертве преступления; оценивая то хорошее, что есть в его подзащитном, прежде всего потому, что аморальна была и жертва*). Речевой сигнал (разделительный союз *или*) отделяет два противопоставленных друг другу блока (**прокурор ↔ защитник**), напоминая о двухчастной композиции предложения. Антитеза помогает разобраться в двух типах эстетических систем и двух типах доводов.

Параллелизм структурно-содержательных частей + использование изобразительно-выразительных средств.

Красный камень меньше привлекал внимание народной фантазии, и кровавый гранат или огненный рубин меньше пленили и подчиняли себе непосредственную натуру человека, чем зеленый самоцвет с его чарующим дыханием весны [18, с. 43].

Синтаксический параллелизм частей обогащает мастерское использование лектором изобразительно-выразительных средств. Эпитеты не только украшают предложение, но и проясняют его, помогая разобраться в многообразных оттенках красных камней: *кровавый гранат, огненный рубин*; а красоту зеленого самоцвета может передать только богатство красок возрождающейся природы: *чарующее дыхание весны*.

Все названные способы предупреждения неясности в образцовых лекциях прошли проверку временем. Они актуальны уже в конце XIX в. (лекции В. О. Ключевского) и активно используются современными лекторами (лекции Т. Г. Хазагерова и Л. С. Шириной). В зависимости от экстралингвистических факторов или индивидуальных предпочтений лекторы употребляют способы предупреждения неясности в «чистом» виде или в разнообразных комбинациях (сочетая, синтезируя их) в пределах синтаксической единицы большого объема. Например, в «чистом» виде использование изобразительно-выразительных средств чаще встречается в лекциях В. О. Ключевского; параллелизм структурно-содержательных частей и преобразование вопросно-ответного хода характерны для лекционной манеры А. Е. Ферсмана; использование системы счета особенно активно используется в лекциях Т. Г. Хазагерова и Л. С. Шириной. Интересные комбинации способов встречаются во всех исследуемых лекциях. Так, неповторимая выразительность и прозрачность изложения создается А. Е. Ферсманом в результате соединения параллелизма структурно-содержательных частей с использованием изобразительно-выразительных средств. В. О. Ключевский усиливает однородность подчинительных частей с помощью счетного ряда. Современные лекторы синтезируют параллелизм с однородностью, использование системы счета с однородностью и параллелизмом. Все это указывает на востребованность и активность названных способов, создающих ясность изложения, и различных их комбинаций в тексте вузовской лекции.

В заключение отметим, что жанр лекции не требует упрощенного подхода к ситуации учебно-научного общения. Популяризация (ясность) предложения заключается не в элементарной, а в оптимальной для адресата информативной наполненности коммуникативной единицы. Предложение большого объема оптимальное с литературно-языковой и коммуникативно-прагматической точки зрения не только не мешает адресату адекватно интерпретировать научную информацию, но и позволяет адресанту, используя лекторское мастерство, разнообразить учебно-научный текст.

Библиографический список

1. *Анохин П. К.* Биология и нейрофизиология рефлекса. М., 1968.
2. Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
3. *Бгажноков Б. Х.* Особенности радиоречи // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.
4. *Богомолов М. А.* Диалогизация выступления как один из аспектов персонификации телевизионного сообщения // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика. М., 1987.
5. *Гаврилова Г. Ф.* О прогнозирующей роли опорного слова в главной части сложноподчиненного предложения // Филологические науки, 1985, № 2.
6. *Голуб И. Б.* Стилистика русского языка. М., 2003.
7. *Зимняя О. А.* Слушание как вид речевой деятельности // Лингвопсихология речевой деятельности. Воронеж, 2001.
8. *Розанова А. А.* Мера семантической сложности сложного предложения // Семантика переходности. Ленинград, 1977.
9. *Сенкевич М. П.* Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., 1976.
10. *Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика. М., 1973.
11. *Лесский Г. А.* О зависимости между размером предложения и его структурой // ВЯ, 1964. № 3.
12. *Лесский Г. А.* О зависимости между размером предложения и характером текста // ВЯ, 1963. № 3.
13. *Лесский Г. А.* О размерах предложений в русской научной и художественной прозе 60-х гг. XIX в. // ВЯ, № 2. 1962.
14. *Миллер Дж.* Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. М., 1964.
15. *Накорякова К. М.* Литературное редактирование. М., 2004.
16. *Стефановский И. Н.* Учебный курс Теории словесности. Белгород, 1899.
17. *Учебный курс.* Теории словесности для средних учебных заведений / Составитель Н. Ливанов, СПб., 1899.
18. *Феллер М. Д.* Структура произведения: Автору и редактору. Львов, 1981.
19. *Феллер М. Д.* Эффективность сообщения и литературный аспект редактирования. Львов, 1978.
20. *Чеснокова Л. Д.* Имена числительные и имена собственные // Филологические науки, 1996. № 1.

21. *Шерель А. А.* Аудиокультура XX в. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию. М., 2004.

Список источников.

22. *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1–2. Курс русской истории. Ч. 1 / Под ред. В. Л. Янина. М., 1987.

23. *Ферсман А. Е.* Самоцветы России. Петроград, 1921.

24. *Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д., 1999.

Е. Н. Ермакова

Фразообразование – динамичный процесс в современном русском языке

Фразообразование – сложное языковое явление. А. М. Бабкин писал, что «существуют интересные... и важные вопросы, как, например, вопрос об источниках русской фразеологии, путях ее развития, семантического преобразования типов и разрядов фразеологизмов...» [1, с. 13].

В лингвистической литературе отмечается, что образование фразеологических единиц на базе переменных сочетаний – наиболее продуктивный путь пополнения фразеологического состава. В современной лингвистике такой способ называют внешним фразообразованием. Механизм внешнего фразообразования проявляется следующим образом: свободное словосочетание в определенный период языка начинает формировать другое значение, в результате разделения появляется новая единица – фразеологизм. Две единицы (исходная и образовавшаяся) сосуществуют в языке одного периода. До сих пор вопрос о том, какие же семантические процессы происходят при фразообразовании в отдельных фразеологизмах, остается малоизученным.

Вторым источником образования фразеологизмов, менее продуктивным, являются произведения устного народного творчества – сказки и поговорки, на что указывали в своих исследовательских работах А. А. Потебня, В. И. Даль, Б. А. Ларин, В. М. Мокиенко, А. М. Бабкин, Ю. А. Гвоздарев и др. Механизм формирования проявился в том, что выражения народной мысли становились краткими, отбрасывались те фрагменты, которые не несли в себе элементы основной семантической нагрузки: *зуба не дура, знает, что принимает – **зуба не дура**; чудеса в решете: дыр много, а выскочить некуда – **чудеса в решете**; пальца в рот не клади, а то откусит – **пальца в рот не клади*** и др. Иногда поговорка делится на две самостоя-